

УДК 316.344.8

О.В. Панченко, доцент, канд. филос. наук*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОСТИ**

Анализируется эволюция феномена интеллигенции. Определяются ее возможности и задачи по преодолению кризисных явлений современной эпохи.

Классическая традиция предполагает начать обсуждение обозначенных в заглавии статьи вопросов с анализа содержания понятий «кризис» и «интеллигенция», имея в виду, что сумерки для умозрительных размышлений уже наступили. Такой подход коррелятивен с неклассической научной и философской парадигмой, ограничивающей теоретический дискурс культурными горизонтами. Но как быть, если культурное пространство многообразно, и, вкупе с обилием социогуманитарной литературы превращает вероятность получения универсальных ответов на поставленные вопросы в новую проблему – либо уйти с головой в изучение их отдельных аспектов этих феноменов, либо предложить недостаточно выверенные решения? Осознавая опасность поспешности выводов, но, учитывая, что разговор может быть продолжен лишь при «вхождении в круг», с определенной точки зрения, полагаясь во многом на интуицию, в настоящей статье предлагаются некоторые суждения относительно роли интеллигенции в преодолении кризисных явлений современности, прежде всего, антропогенного.

В переводе с греческого слово «кризис» означает «поворотный пункт». Применительно к обществу и индивиду это означает качественное изменение жизни. Появление данного термина в эпоху Просвещения во Франции, развитие кризисной темы в произведениях С.Кьеркегора, А.Шопенгауэра, Ницше, О.Шпенглера других философов и культурологов, постепенно захватило умы образованной европейской публики, способствуя осознанию обществом переломных периодов истории. С разной степенью интенсивности эта тема звучала и звучит в XX-XXI ст.ст., втягивая в себя все новые человекомерные объекты, обрастая интерпретациями, принимая различные по силе и тембру оттенки. Так, если прежде объектом анализа кризисных явлений была лишь западная цивилизация, то в последние десятилетия века минувшего, он расширился до глобальных масштабов. Приметы, предпосылки, сущность, проявление, пути преодоления переломов в социальном бытии в течение последних десятилетий изучаются комплексно различными науками. Философско-политические исследования в этом процессе занимают свою нишу, акцентируя внимание, прежде всего на мировоззренческих аспектах кризисов, ибо, как верно заметил один из основателей социальной психологии Г.Лебон: «Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мыслях людей» [1, с. 5].

Особенности современного «исхода» усматриваются: во-первых, в глобальности масштабов, когда под угрозой находится существование всей планеты; во-вторых, в сокращении до предела времени, отпущенного человечеству для отыскания способов его разрешения; в-третьих, в том, что в случае бездействия, последствия кризиса, в сравнении с прошлыми эпохами, по глубине и скоротечности наступления будут катастрофическими.

В сложившейся ситуации тревожно не спокойствие молчаливого большинства, а безмятежность культурного истеблишмента, который либо всеми средствами изгоняет из своего сознания негативные настроения, либо использует их для достижения «минут славы». Такое мироощущение естественно для обычных людей, которые поглощены текущими делами и следуют выработанному тысячелетиями естественно-предохранительному оптимистическому инстинкту, поощряемому цивилизационными достижениями капиталистической миросистемы – ростом благосостояния и свободы. Проблемы «конца истории», «одномерности», «последнего человека» не волнуют «человека-благополучного» еще и потому, что технологический наркотик из средства успокоения превратился в цель жизни. Пользуясь терминами Э.Фромма, в ментальности среднестатистического европейца «иметь» намного превзошло «быть». Активное суперменское отношение к миру, доминировавшее в обществе в эпоху Модерна трансформировалось в постмодернистскую зависимость от «системы вещей» (Ж.Бодрийяр), когда «обычные качества» и страсти закрыли завесой неведения «конечные цели» (Б.Паскаль). В глазах широкой публики субъекты, акцентирующие кризисную тему, тоже рабы своих желаний и стремятся к выработке адреналина доступным для них способом – «умничанием», утонченными интеллектуальными дискурсами. А метать стрелы субъективных значений, достигая изящества чистых форм и «неколющей остроты» можно до бесконечности, ведь идеальное пространство мысли в рамках естественного языка необозримо. Не в этой ли успокоенности, в безразличии к дальнему (а теперь и к ближнему) будущему заключается главная опасность и причина современного антропогенного кризиса?! Человек, причастившийся к технике, «исчезает от своих близких еще ранее, чем умирает. Собственно от этого он

и умирает», – замечает subtilный философ Ж. Бодрийяр [2, с. 318]. За первым риторическим вопросом следует второй: «кто и каким образом должен нарушить покой океанских глубин психологии современников и иногда повторять им сакраментальное «моменто мори», предлагать пути преодоления кризисных явлений, спровоцированных гедонизмом?»!

Оба вопроса можно непосредственно адресовать тем, кого все реже именуют интеллигентами. Для обоснования этой гипотезы, обратимся к этимологии слова. Здесь обнаружим, что сам термин, характеризующий определенные качества нового слоя европейского общества, как и слово «кризис», получил распространение также в XVIII-XIX вв., в эпоху французского просвещения, немецкого романтизма, а позднее русского народничества. По мнению авторитетного российского культуролога Г. Померанца, во Франции словом "Intelligence" обозначали интеллектуалов, передовых людей, просвещенной элиты, в отличие от непросвещенных. В Германии этот термин указывал на образованность, связанную с народной культурой. В России после реформ Александра II возникло производное понятие «интеллигенция», дополнившее просвещенность, социологическим смыслом. Интеллигентами стали называть разночинцев, выходцев, в основном, из низов и обучающихся в университетах.

Сравнивая первых европейских и русских интеллигентов, находим и другие общие свойства:

- основанное на сочувствии к униженным и оскорбленным, протестное отношение к существующему культурному, экономическому, политическому состоянию;

- миссионерский романтизм, ориентированный на спасение не только собственного народа, но всего рода человеческого;

- последовательность и конкретика в предложении средств социальных обновлений: просветительство – реформы – революция;

- искренность намерений, бескорыстие, – верные признаки подлинной нравственности.

Если дополнить одновременность возникновения понятий «кризис» и «интеллигенция» анализом целей «возмутителей спокойствия», то связь дух феноменов уже не кажется случайной. Действительно, отправным пунктом деятелей французского просвещения, немецкого романтизма и русского народничества служило не просто сомнение в политической и культурной практике государства и церкви, но нечто большее – признание существующего положения дел в этих сферах критическим. Однако, вглядываясь в сферу «конечных значений», интеллигенты существенно нарушили меру и не разглядели того, что было рядом под ногами – неготовности к универсальным проектам самого «объекта», правителей и народа, огромную дистанцию между национальными и интернациональными интересами, должным и сущим, философскими и политическими целями. Известный со времен Платона утопизм еще напаломнит о себе в марксизме, ленинизме, маоизме. Примечательно, что одной из первых этот урок извлекла интер-национальная императрица Екатерина II. Преследуя не только приватный интерес, она совершенно трезво умерила реформистские порывы уважаемого Дени Дидро, так как на личном опыте познала разницу между теорией и практикой, и отказалась от предлагаемых философом радикальных способов переустройства государства, мотивируя свое решение неподготовленностью к ним русского общества.

К началу XX века интеллигенты изменились как по социальному статусу, так и по духу. Благодаря «низкому» происхождению их сознание вплотную сблизилось с повседневными интересами обыкновенных людей. Именно поэтому российской интеллигенции, не опаленной еще беспощадным пламенем революции, удалось реализовать свои политические цели. Как и их французские предшественники, русские социалисты остались прожектерами в знании дорог к Свободе и Справедливости. Причины близорукости заметили представители другой, «нисходящей» ветви интеллигентов. По мнению С. Франка, они заключались в пренебрежительном отношении к Истине, воплощением которой являются религиозные ценности, в замене созидательной цели разрушительной, морали любви – моралью ненависти. Если «народники», любили крестьян, то революционеры-социалисты уверовали не в живых людей, а лишь в свою идею [3, с. 206]. Действительно, после октябрьских событий 1917 года, достигнув ближних целей, политической власти и раздела материального ресурса – земли, фабрик и заводов, – моральный нигилизм большевиков легитимировал в обществе, строящем социализм, варварское отношение к главному, человеческому ресурсу, к культурному достоянию нации, создаваемому десятками поколений миллионов людей, в том числе образованным сословием. Но критика «веховцев» лишь наполовину справедлива. Их мораль любви к ближнему, как и нигилизм социалистов, – это «мораль подобия» трансобъективной (нечеловеческой) морали Абсолюта.

В советском социокультурном пространстве укоренилось Ленинское социологизаторское определение интеллигенции как людей, занятых умственным трудом. В нем было стерто главное – глубины духовности, мировоззрения. В ходе строительства социализма нестройные ряды интеллигентов вовсе расстроились – на «идеологов», «диссидентов» и еще одной группы, которую за неимением более адекватного термина назовем «умеренными интеллигентами». В отличие от двух первых групп,

представители этой категории, достаточно пассивные политически, сохранили веру в то, что «горнее создается дольним», что истина проста – надобно добросовестно делать свое дело, уважая других. Вскоре первая когорта российских интеллигентов была частью физически ликвидирована, частью сошла на нет морально, ибо мутировала от родовой идеи к эгоистической партийной диктатуре, утратив и идейность, и веру, и всякие моральные принципы. Подтверждением сего факта является резвый переход после распада СССР одних «идеологов коммунизма» в стан «заклятого врага человечества» – собственников-капиталистов и теоретическая беспомощность других реабилитировать коммунистическую идею.

Вторая категория, в виде рассеянных групп инакомыслящих, проживавших в стране и за рубежом, критикой расшатывала основы тоталитарного режима, но основная часть со стороны просто наблюдала за его дряхлением. После крушения режима они занялись реализацией национальной и интернациональной (демократической) идеи, наступая при этом на те же «интеллигентские грабли» – неумение профессионально реализовать идеальные образцы.

Трагична и поучительна судьба «умеренных», среди которых, как и среди инакомыслящих, были и сторонники, и противники марксизма. С естественным вымиранием этой категории интеллигентов, кессонная болезнь «убогого материализма» поразила ментальность большей части постсоветских обществ.

Несмотря на почти вековое существование «железного занавеса», имеются основания полагать, что метаморфозы советской интеллигенции корреспондируют с изменениями, происшедшими с образованным сословием стран Запада. Подтверждением тому является развенчание статуса либерально-демократической идеи, которое на политическом уровне выражается в стирании различий между традиционными для стран Запада либеральной и демократической партиями, на мировоззренческом – в сублимации телоса, превращении истории в скучное путешествие «цепи фургонов» по одной дороге, на общесоциальном – в столкновении противоположных тенденций экономической глобализации и культурной автономизации.

Для продолжения социального проекта интеллигенции потребно осознать собственное содержание – задачи, функции, место в обществе. Прежние ее атрибуты, знание и образованность, необходимы, но не достаточны. В ситуации, когда принцип индивидуации, предложенный вначале XVII в. философом Г. Лейбницем, все отчетливее акцентируется в социальном мире, свойством, характеризующим современное понимание интеллигентности является активность ее референтов в сохранении, накоплении и передаче «социального капитала» (Ф. Фукуяма) – общих традиций, норм, стандартов, правил поведения. Иначе говоря, образованность центрируется вокруг высшей формы практики – этической. Поскольку этика пронизывает все сферы социальной деятельности, специфичны функции и методы интеллигенции. Очевидно, не следует возвращаться к порочному кругу – создавать партии или иными способами рваться к штурвалу социального корабля. Речь, скорее, должна идти о творчестве трансцендентной Большой политики – селекции родовых ценностей человечества, непрерывном сеянии этого «добротного и вечного» на самых разнообразных полях социальной практики.

Просвещаясь и просвещая по поводу принципов общения, интеллигенты должны лучше других быть готовы извлекать общие аксиологические уроки истории. Смысл этих уроков кратко выражает фиксация двух противоречивых интуиций, обнаруженных в ментальности современного общества: 1. У представителей успокоенного достатком «среднего класса», составляющего в экономически развитых странах до 80 % населения, в рядах элиты, даже среди наиболее зависимых, социально недостаточно защищенных и малоимущих граждан зреет чувство самодостаточности. Субъекты действиями доказывают собственную уникальность и больше не желают, чтобы кто-либо за них вершил их судьбы. 2. Вместе с тем, чтобы себя уважать в полной мере, не быть «минутными дождевыми пузырями», индивиды все более явственно ощущают потребность в общих идеалах «подлинного просвещения» (К. Ясперс), «истинах с большой буквы» (А. Бадью). Однако после краха коммунистического проекта новых политических событий – пояснений «абсолютных ценностей в формах единичных дополнений» – не поступило [4].

Сопоставив универсальные сдвиги общественного сознания с глобальными кризисными явлениями современной эпохи (антропными, экологическими, антропо-социальными), требующими для их преодоления усилий не только компетентных специалистов, но и талантов миллиардов людей, очевидна необходимость корректировки в первую очередь ментальности самой интеллигенции, а затем и общества в целом. О содержании желаемых изменений пишут философы, социологи, политологи, культурологи. Суть их в следующем:

1. Реализовать гармонию самых близких, личностных установок с социальными приоритетами можно в интересубъективном сознании. Именно субъекты способны гармонически сочетать тему экономической интеграции человечества с максимальным уважением к многообразию культур.

2. Ближайшей задачей по формированию интересубъективного сознания является поиск путей гармонического сочетания родового этического с другой важнейшей доминантой современности,

креативностью, во всех многообразных проявлениях последней – политических, экономических, культурных.

3. Условиями приближения к «золотому сечению» индивидуального и общего, этического и эстетического является доверительный непрерывный диалог, искренность, внимание к нуждам окружающих, ответственность.

О способности обществ к реализации этих программных задач свидетельствуют практические прецеденты и теоретические выкладки. Знания – главная примета и «технологическая сила» современной цивилизации – стали доступны миллионам людей. «Гомо когитанс», информированный и понимающий индивид, ограниченный коллективными символическими системами знаний и верований, как никогда ранее, имеет реальный шанс для соавторства в сочинениях всех сцен исторической пьесы. Ученые и философы разрабатывают «теорию коммуникативного действия» (Ю. Хабермас), создают модели «справедливого», «благого», «устойчивого» общества. (Дж. Роллз, Р. Дарендорф, Д. Меддоуз и др.). Эти выводы реализуются в разнообразных формах благотворительных действий, политических, социальных движений (за мир, против распространения СПИДа, ядерной и экологической опасности, феминизм, права нацменьшинств и т.д.).

И все же, условия и отдельные примеры еще не гарантируют конечного успеха. Для более надежной ориентации в мире субъекту потребны «прямое», и «боковое зрение», согласование повседневных целей и забот с глубокой верой в «линию горизонта». В ситуации, когда религия теряет искренне-верующих даже среди служителей церкви, искусство все более ориентируется не на красоту, а на шоу, наука не на истину, а на прибыль, философия напоминает софистику, реконструкция и развитие сущностных свойств интеллигенции: критическо-уважительного отношения к истории, здорового романтизма, правдивости, заботе о целом, обществе, институализации гуманизма в принципах антропности, антропокосмизма (С. Крымский, В. Сагатовский), – будет способствовать созданию мощного антикризисного оружия человечества, рождению нового универсального Телоса, Большой политической Идеи.

Библиографический список

1. Лебон Г. Психология масс / Г. Лебон // Хрестоматия. — Самара: Изд. дом «Бахрах»; М., 2001. — С. 5–115.
2. Бодрийяр Жан. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. — М., 2000. — С. 318.
3. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева и др. // Репринтное воспроизведение издания 1909 года. — М.: «Новое время» и «Горизонт», 1990. — 210 с.
4. Бадью А. Тайная катастрофа. Конец государственной истины / А. Бадью // *Sozio logos*. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002. — С. 17–21.

Поступила в редакцию 6.05.2008 г.